

ОТ ДЕКАДЕНТСКОГО ЭСТЕТИЗМА К РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ: АКСИОЛОГИЯ РАННЕГО РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

ЭДГАР АРШАКЯН *

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие художественной разработки мотива добра и зла в поэзии раннего русского символизма. Анализируются основные аксиологические модели, характерные для «декадентского» («диаволического») этапа символизма, связанного с эстетизацией и релятивизацией этических категорий, а также последующая тенденция к их религиозно-мистическому переосмыслению. Материалом исследования служат поэтические тексты В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Н. Минского, З. Гиппиус и А. Блока. Для анализа привлекаются наиболее репрезентативные тексты, которые, с одной стороны, позволяют проследить основные направления художественного осмысления проблемы добра и зла в раннем русском символизме, а с другой – выявляют своеобразие художественного мира каждого из рассматриваемых поэтов. В центре внимания находится динамика перехода от эстетически мотивированной амбивалентности ценностей к попыткам их диалектического преодоления в рамках религиозно-философских моделей синтеза. Рассматриваемый материал интерпретируется в контексте символистской эстетики, ориентированной на переосмысление традиционной христианской аксиологии и формирование альтернативных моделей ценностного мышления, характерных для поэтической культуры конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется функционированию устойчивых образно-мотивных структур, связанных с образами Бога и Дьявола. В результате анализа выявляются как общие тенденции, так и индивидуально-авторские стратегии художественной репрезентации мотива добра и зла в раннем русском символизме.

Ключевые слова: *символизм, декаданс, мифопоэтика, аксиологическая парадигма, переоценка ценностей, добро и зло, Бог и Дьявол.*

* Эдгар Аршакян – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы ЕГУ
Էդգար Արշակյան – րանսափրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի ասիստենտ
Edgar Arshakyan – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, YSU, Chair of Russian Literature
Эл. почта: edgar.arshakyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0003-0062-7017>

Одной из характерных особенностей раннего русского символизма, именуемого декадентским или диаволическим (по определению Ханзен-Леве), является своеобразная переоценка ценностей. Тенденция эта, типологически соотносящаяся с европейским декадансом и эстетическими установками эпохи *fin de siècle*, в русской литературе приводит к формированию целостной художественной парадигмы, основанной на системе устойчивых образов и мотивов.

В нашей статье речь пойдет о художественной разработке мотива, связанного с основополагающими аксиологическими категориями – добром и злом (Богом и Дьяволом). Различные его вариации обнаруживаются в творчестве многих представителей русского символизма, однако у каждого поэта данный мотив получает своеобразное осмысление, обусловленное эстетическими и мировоззренческими установками автора.

В контексте обозначенной проблемы нами анализируется ряд поэтических текстов, в которых реализуются различные подходы к художественной репрезентации данного мотива в поэзии русского символизма. Нельзя сказать, чтобы рассматриваемые в предложенной статье тексты были обделены вниманием исследователей. Напротив, многие из них уже приобрели хрестоматийный статус. Исключение, пожалуй, составляет стихотворение А. Блока, не включенное в орбиту научной рефлексии и потому не получившее развернутого истолкования. Между тем именно хрестоматийность зачастую приводит к нивелированию различий, акцентируя прежде всего общность эстетических установок. Нас же в данном случае интересуют индивидуально-авторские стратегии художественной репрезентации обозначенного мотива.

Декадентская аксиология

Рассмотрим сперва поэтический манифест Брюсова:

*Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.*

*Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.*

*Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне. [Брюсов, 1973, Т.1: 355]*

В свое время В.М. Жирмунский метко заметил, что «для поэтов первого поколения символизм был прежде всего освобождением от односторонней аскетической морали русской либеральной общественности» [Жирмунский 1977: 106]. Будучи лидером нового литературного направления, Брюсов последовательно отстаивал творческую свободу художника. В брошюре «О искусстве» мэтр русского символизма декларативно заявлял: «я ишу свободы в искусстве»

[Брюсов, 1975, Т.6, с.44]. Именно обозначенную идею постулирует приведенное стихотворение. Вспомним в этой связи также экспериментаторский «односложный сонет» («Тема предчувствий») Брюсова, воплощающий обозначенную эстетическую позицию не только на идейном уровне, но и на уровне формальном. Приведем полный текст этого, по определению М.Л. Гаспарова, стихотворного «фокуса»:

*Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!
Запрета
В искусстве
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.* [Цит. по: Гаспаров, 2001, с.117]

Конечно, в данном случае речь идет о частном выражении более общей эстетической установки: «старшие» символисты, как отмечает Л.М. Колобаева, «исходили из того, что красота своей широтой превосходит все другие ценностные критерии – морали, добра, долга, пользы и пр.» [Колобаева, 2000: 15]. Эта интенция, во многом заданная программной книгой стихов Шарля Бодлера «Цветы зла» и подхваченная позднее ранним русским символизмом, приводит к формированию специфической аксиологической модели, в рамках которой, по определению Ханзен-Леве, «диаволист пребывает в тотальной ценностной амбивалентности, выражающей его двойственность; под углом зрения эстетического все абсолютное релятивизируется (плюрализуется), позитивные и негативные ценности нейтрализуются» [Ханзен-Леве, 1999: 322].

Присущая декадентской аксиологии замена этической оценки эстетической с особой последовательностью воплотилась в поэзии Бальмонта. Укажем на стихотворение «Бог и Дьявол»:

*Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох,
Одному – мои крики, а другому – мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.*

*Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далёко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.*

*О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождём моим свежим зеленеет Земля,*

*И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжѣг я домов.*

*В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!* [Бальмонт, 1991, с.272]

Заметим, что в анализируемых стихотворениях Брюсова и Бальмонта стремление к охвату предельной полноты бытия находит воплощение в сходной поэтической формуле:

<i>И все моря, все пристани Люблю, люблю равно.</i>	<i>Я как туча блуждаю, много красок вокруг, То на Север иду я, то откинусь на Юг, То далёко, с Востока, поплыву на Закат,</i>
<i>Хочу, чтоб всюду плавала Свободная ладья,</i>	

Вместе с тем ценностные ориентиры двух поэтов не тождественны. У Брюсова мотив всеохватности соотнесён прежде всего с идеей внутренней свободы, с отказом от любых ограничений и утверждением права личности на духовное и экзистенциальное самоопределение. У Бальмонта аналогичное стремление подчинено иной доминанте – эстетической. Неслучайно слово «Красота» у поэта часто получает заглавное написание. В свое время В.А. Гофман обратил внимание на особую роль этой характерной особенности символистской поэтики – «экспрессию прописных букв». Он пишет: «Эти прописные буквы в общих и отвлеченных именах восстанавливали традицию средневекового символизма, “оживлявшего” абстракции на правах самостоятельных отдельных существ» [Гофман, 1937, с.85]¹. Действительно, в поэзии Бальмонта понятие красоты словно утрачивает характер отвлечённой категории и приобретает статус сакрализованной сущности. При этом Бальмонт стремится к последовательному расширению границ эстетического. Показательна в этом отношении его статья «Поэзия ужаса», посвященная офортам Франциско Гойи. Бальмонт здесь пишет: «*Los Caprichos* – своего рода художественная теодицея, гармоническое оправдание существования зла – бесконечным разнообразием его оттенков, гимн красоте чудовищного, которая потому и встает, как красота, что она неисчерпаема». [Бальмонт, 1904, с.7]. В статье, общий пафос которой заключается в эстетизации безобразного, поэт утверждает: «Гармония сфер и поэзия ужаса – это два полюса Красоты» [там же, с.2]. Тем самым у Бальмонта снимается привычное противопоставление гармоничного и безобразного. В этой связи любопытно также его поэтическое обращение к фигуре Хосе де Рибера – живописца пыток и мученичества («Рибейра»):

*Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.*

¹ Любопытные закономерности в процессе персонификации усматривают Лотман и Успенский [Лотман, Успенский, 1973: 284-287].

*Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятия основ.*

*Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в Любви.*

*Ты выразил ужас неволи,
И бросил в беззвездный предел
Кошмары, исполненных боли,
Тобою разорванных тел.*

*Сказав нам, что ужасы пыток
В созданных мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.*

*И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил в Красоте,
Ты брат своего Прометея,
Который всегда в темноте. [Бальмонт, 1991, сс.184-185]*

Конечно, здесь Бальмонт во многом следует за Теофилом Готье. По-видимому, его впечатлило одноименное стихотворение знаменитого парнасца, посвященное этому мастеру тенебризма эпохи барокко, личность которого была опутана достаточно «мрачным» ореолом. Бальмонт цитирует своего французского предшественника в уже упомянутой статье «Поэзия ужаса»: «Il est des sœurs épris du triste amour du laid» («Он из числа сердец, влюбленных в безобразное»), проецируя строку на офорты Гойи. Таким образом, бальмонтовская интерпретация вписывается в более широкую европейскую традицию эстетизации безобразного. Выразительной иллюстрацией обозначенной тенденции служит сонет «Уроды», построенный на нарочито дисгармоничном сочетании формы и содержания.

*Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Ладьи, разбитые веселостью волны.
<...>*

*О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами! [Бальмонт, 1991, с.67]*

Более радикальному переосмыслению подвергается рассматриваемый мотив в творчестве Федора Сологуба. Обратимся к одному из наиболее декадентских

текстов поэта. Учитывая значимость образно-мотивной системы стихотворения в контексте нашего анализа, позволим себе привести его полностью:

*Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, – я тону.*

*И вынес я опять на сушу,
В большое, злое житиё,
Мою отверженную душу
И тело грешное моё.*

*Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
Я власти тёмного порока
Отдам остаток чёрных дней».*

*И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал,
И Ты меня из бездны спас.*

*И Дьявол взял меня, и бросил
В полуистлевиую ладью.
Я там нашёл и пару вёсел,
И серый парус, и скамью.*

*Тебя, Отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И соблазняя соблазню.*

[Сологуб, 2014, Т.2, Кн.2, с.139]

На первый взгляд стихотворение Сологуба полностью вписывается в общую художественную парадигму раннего русского символизма, что во многом обусловлено общностью эстетических установок «старших» символистов. Однако при более пристальном внимании обнаруживается, что за внешней близостью образно-мотивной структуры скрываются существенные различия в плане художественного осмысления данного мотива. Приведенный текст является одним из самых выразительных примеров сологубовского богоборчества². Общий пафос стихотворения Сологуба, творчество которого Андрей Белый объективно считал «квинтэссенцией декадентских переживаний» [Белый, 1990, с.128], детерминирован не эстетическими, а мировоззренческими установками.

Попутно отметим, что в художественной парадигме диаволического символизма переосмысление проблемы добра и зла в своем радикальном проявлении может дойти до полного разрушения традиционной библейской системы. Характерным примером может служить стихотворение Сологуба, в котором сюжет библейской легенды об искушении Христа инвертируется:

Скитался Сатана в пустыне.

Там искушал его Христос <...> [Сологуб, 2014, Т.2. Кн.2: 98]

Однако в русском символизме, в том числе у его ранних представителей, намечается и иная тенденция, принципиально отличная от диаволического эстетизма и аксиологической инверсии.

Религиозно-мистическая диалектика

² Этот мотив своеобразно проявляется и в других стихотворениях. Ср., например: «Злое земное томленье...», «Что мы служим молебны...», «Безжизненный чертог...».

В контексте обозначенной темы следует обратиться также к поэзии одного из представителей так называемого предсимволизма, автора философско-мистической теории меонизма – Николая Минского. Начавший свой путь с гражданской поэзии (как, между прочим, и Бальмонт), Минский впоследствии обращается к индивидуализму, что закрепляет за ним «печальное титуло отца русского декадентства» [Ранние символисты, 2005, с.251]. Неслучайно поэтому, что в некоторых стихотворениях Минского возникают мотивы, сближающие его поэзию с диаволическим дискурсом русского символизма. Укажем на стихотворение «Почему?». Чтобы более наглядно проследить сходства, приведем фрагмент стихотворения Минского параллельно с процитированными выше текстами Брюсова и Бальмонта:

*И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.*

*Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,*

*Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далёко, с Востока, поплыву на Закат,*

Я жажду безгрешности – и творю грех.

Почему?

Я молюсь единственной – и хочу всех.

Почему? [Ранние символисты, 2005, с.253].

Вместе с тем творчество Минского постепенно развивается в русле религиозного символизма. Именно в его поэме «Город смерти», опубликованной еще в 1894 году, С.В. Сапожков усматривает одну из первых попыток «религиозных символистов» размежеваться с «символистами-эстетиками». [Сапожков, 2005, с.42].

Обращаясь к интересующему нас мотиву, заметим, у Минского намечается своеобразная трансформация традиционной этической оппозиции, не сводимая, однако, к раннесимволистской эстетизации зла. Для рассмотренных выше случаев характерно снятие противопоставления добра и зла в рамках эстетического синтеза, тогда как у Минского наблюдается иная тенденция – попытка внутреннего переосмысления самой категории добра. Концептуально эта позиция воплощается в стихотворении «Два пути»:

*Нет двух путей добра и зла –
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
К распутью в час утра.*

*Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
Каким путем идти.*

*И так сказала: «Две тропы,
Две правды, два добра –
Раздор и мука для толпы,
Для мудреца – игра.*

*Беспечно, как в прогулки час,
Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
В душе невозмутим.*

*То, что доньше средь людей
Грехом и злом слывет,*

*Их правду правдой отрицай,
Любовью жги любовь.*

*Есть лишь начало двух путей,
Их первый поворот.
Сулит единство бытия
Путь шумной суеты.
Другой безмолвен путь – суля
Единство пустоты.*

*В душе меня лишь созерцай,
Лишь мне дары готовь.
Моей улыбкой мир согрей,
Поведай всем, о чем
С тобою первым из людей
Теперь шепчусь вдвоем.*

*Сулят и лгут – и к той же мгле
Приводят гробовой.
Ты – призрак Бога на земле,
Бог – призрак в небе твой.*

*Скажи, я свечок им зажгла,
Неведомый вчера.
Нет двух путей добра и зла,
Есть два пути добра».*

[Ранние символисты, 2005, сс.189-190].

Здесь принципиально важным становится не отрицание зла как такового, а его своеобразная редукция. Тем самым антиномия не снимается эстетически (как у Брюсова и Бальмонта), но переосмысливается в рамках этического монизма.

Если с позиций эстетизма равноправие «Бога» и «Дьявола» обусловлено утверждением всеобъемлющей свободы художественного сознания, то у Минского за внешней парадоксальностью формулировки скрывается стремление к восстановлению ценностного единства мира. В этом смысле его позиция оказывается промежуточной: с одной стороны, он уже отказывается от жёсткой дуалистической модели, с другой – не принимает характерной для декадентской эстетики апологии зла. По поводу приведенного стихотворения Сапожков отмечает: «в этой новой точке достигнутой им (Минским – Э.А.) внутренней свободы объективная разница между мзонической идеей божественного небытия и христианской идеей божественного бытия сходит на нет и они сливаются в новом, просветленно-молитвенном состоянии духа» [Сапожков, 2005, сс.54-55].

Укажем также на стихотворение Гиппиус «Электричество»:

*Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» не слиты,
Не слиты – сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво,
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся –
Другие «да» и «нет»
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет – Свет. [Гиппиус, 1999, с.111]*

Противоположные начала здесь образуют неразрывное единство. При этом их напряженное противостояние не мыслится как конечное состояние: оно направлено к некоему высшему синтезу, который, однако, достигается не через органическое сосуществование, а через снятие и уничтожение самой оппозиции. Подобная трактовка взаимосвязи двух начал во многом соотносится с религиозно-

философскими построениями Д.С. Мережковского, связанными с идеей грядущего синтеза.

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает поэзия Александра Блока. В целом лирика Блока – яркого представителя младосимволизма – по своей идейной направленности не соотносится с раннесимволистской аксиологической парадигмой. Вместе с тем следует выделить одно его стихотворение, представляющее интерес с точки зрения заявленной темы. Речь идет о стихотворении «Был вечер поздний и багровый...» (1902). Поэт здесь обращается к евангельскому сюжету, однако трансформирует его:

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый –
Младенца Дева родила.*

*На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.*

*И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.*

*Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарриота
Улыбку видели гонцы. [Блок, 1997, Т.1: 123-124]*

В блоковской интерпретации евангельской легенды о Рождестве Христовом появляются образы отрока, жены и Иуды Искарриота. Особо диссонирующим представляется образ Иуды. Неслучайно, что стихотворение подверглось цензурному запрещению и не вошло в июльский номер «Нового пути» за 1904 год, в котором вместо 12 стихотворений Блока было напечатано 9 (цензором были вычеркнуты также стихотворения «Мой любимый, мой князь, мой жених...» и «Я – меч, заостренный с обеих сторон...») [Перцов, 1922: 25-26].

Стихотворение Блока соотносится с концепцией коренной взаимосвязи добра и зла («Христа и Антихриста»), распространённой в начале века в среде мистически ориентированных символистов. Как отмечает Д.Е. Максимов, «в 1901–1902 годах, очевидно не без влияния раннего Мережковского, он (Блок – Э.А.) пытается понять добро и зло как ипостаси некоего неразложимого Единства» [Максимов, 1981: 404].

Более наглядно эта идея отразилась в одном из вариантов первых двух стихов рассматриваемого стихотворения:

*Был вечер поздний и багровый –
Кончина дня, добра и зла. <...> [См.: Помирчий, Лоцинская, 1997: 309].*

Особо любопытен в этом плане следующий вариант 10-11 стихов текста:

<...> *В невозмутимой тишине*
Воскрес повешенный Иуда <...> [Там же].

Данная тема затрагивается также в дневниковой записи Блока: «Мы еще только смотрим, содрогаясь, и смутно ждем конца. Кто родится – бог или диавол – все равно; в новорожденном заложена вся глубина грядущих испытаний; ибо нет разницы – бороться с диаволом или с Богом – они равны и подобны; как источник обоих – одно Простое Единство, так следствие обоих – высшие пределы Добра и Зла – плюс ли, минус ли – одна и та же Бесконечность» [Блок, 1989: 31].

Однако обозначенная идейная установка Блока скорее носит характер кратковременного интеллектуального опыта, нежели сколь-нибудь устойчивой мировоззренческой позиции. Впоследствии поэт дистанцируется от нее, о чем недвусмысленно свидетельствует его запись:

Менделеев и Толстой. Острейшее сомнение (противоречие). Не могу принять: *ни двух бездн, бога и дьявола, двух путей добра, – «две нити вместе свиты»* (мистика, схоластика, диалектика, метафизика, богословие, филология), ни теории познания (Белый), ни иронии (интеллигентский мистический анархизм), *ни «всех гаваней» (декадентство)*. Гениальничать же не собираюсь (выделено мной – Э.А.) [Блок, 1965, сс.114-115].

Выводы

Таким образом, в раннем русском символизме проблема добра и зла получает различные формы художественного осмысления, обусловленные как эстетическими, так и мировоззренческими установками поэтов. В рамках декадентской аксиологии, наиболее последовательно представленной в поэзии Брюсова, Бальмонта и Сологуба, происходит пересмотр традиционной этической системы. При этом у каждого из названных поэтов тенденция эта реализуется по-своему.

Вместе с тем в русском символизме намечается и иная тенденция, ориентированная на преодоление дуалистического противопоставления добра и зла не на эстетическом, а на религиозно-мистическом уровне – через поиск метафизического основания, снимающего их непримиримое противостояние. Тем самым аксиологическая проблематика раннего русского символизма обнаруживает не только общность исходных эстетических предпосылок, но и глубокую внутреннюю неоднородность.

EDGAR ARSHAKYAN – *From Decadent Aestheticism to Religious-Mystical Dialectics: The Axiology of Early Russian Symbolism* – The article examines the specificity of the artistic development of the motif of good and evil in the poetry of early Russian Symbolism. It analyzes the main axiological models characteristic of the “decadent” (“diabolical”) stage of Symbolism, associated with the aestheticization and relativization of ethical categories, as well as the subsequent tendency toward their religious and mystical reinterpretation. The research material comprises poetic texts by V. Bryusov, K. Balmont, F. Sologub, N. Minsky, Z. Gippius, and A. Blok. The analysis draws on the most representative texts, which, on the one hand, make it possible to trace the main directions of the artistic interpretation of the problem of good and evil in early Russian Symbolism, and, on the other hand, reveal the specificity of each poet’s

individual artistic world. The focus is on the dynamics of the transition from aesthetically motivated ambivalence of values to attempts at their dialectical overcoming within the framework of religious-philosophical models of synthesis. The material under study is interpreted in the context of Symbolist aesthetics oriented toward the rethinking of traditional Christian axiology and the formation of alternative models of value thinking characteristic of the poetic culture of the late 19th and early 20th centuries. Special attention is paid to the functioning of stable image-motif structures associated with the figures of God and the Devil. As a result of the analysis, both general tendencies and individual authorial strategies of artistic representation of the motif of good and evil in early Russian Symbolism are identified.

Keywords: *symbolism, decadence, mythopoetics, axiological paradigm, revaluation of values, good and evil, God and the Devil.*

ИСТОЧНИКИ

- Андрей Белый. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1990.
- Бальмонт К.Д. Поэзия ужаса. В кн.: Бальмонт К.Д. Горные вершины. Сборник статей. М. Гриф, 1904, сс.1-10.
- Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. Москва: Правда, 1991.
- Блок А.А. Записные книжки. Москва: Художественная литература, 1965.
- Блок А.А. Дневник. Москва: Советская Россия, 1989.
- Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т.1. Стихотворения. Книга первая. 1898-1904. Москва: Наука, 1997.
- Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. Т.1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909. Москва: Художественная литература, 1973.
- Брюсов В.Я. О искусстве. В кн.: Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. Т.6. Статьи и рецензии. 1893-1924. Из книги «Далекие и близкие». Miscellanea. Москва: Художественная литература, 1975, сс.43-54.
- Гиппиус З.Н. Стихотворения. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999.
- Перцов П.П. Ранний Блок. Москва: Костры, 1922.
- Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2005
- Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм в 3 томах. Санкт-Петербург: Наука, 2012–2020.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров, М.Л., 2001. *Русский стих начала XX века в комментариях*. Москва: Фортуна Лимитед.
- Гофман, В.А., 1937. Язык символистов. В кн.: П.И. Лебедев-Полянский, ред. *Литературное наследство*. Т.27-28. Москва: Гослитиздат, сс.54-105.
- Жирмунский, В.М., 1977. Преодолевшие символизм. В кн.: Жирмунский В.М. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука, сс.106-133.
- Колобаева, Л.М., 2000. *Русский символизм*. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Лотман, Ю.М, Успенский, Б.А., 1973. Миф – имя – культура. В кн.: Ю.М. Лотман, ред. *Труды по знаковым системам VI*. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, сс.282-303.
- Максимов, Д.Е., 1981. *Поэзия и проза А. Блока*. Ленинград: Советский писатель.
- Помирчий, Р.Е., Лощинская, Н.В., 1997. Другие редакции и варианты <стихотворений раздела «Стихи о Прекрасной Даме VI»>. В кн.: Блок А.А. *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах*. Т.1. Москва: Наука, сс.305-317.

- Сапожков, С.В., 2005. Поэзия и судьба Николая Минского. В кн.: *Ранние символисты: Николай Минский, Александр Добролюбов. Стихотворения и поэмы*. Санкт-Петербург: Академический проект, сс.7-96.
- Слободнюк, С.Л., 1998. «Дьяволы» Серебряного века. Древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ханзен-Лёве, А., 1999. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*. Санкт-Петербург: Академический проект.

REFERENCES

- Gasparov, M.L., 2001. *Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah* [Russian Verse of the Early Twentieth Century in Commentaries]. Moscow: Fortuna Limited Publ. (in Russian).
- Gofman, V.A., 1937. Jazyk simvolistov [The Language of the Symbolists]. In: P.I. Lebedev-Poljanskij, ed. *Literaturnoe nasledstvo. T.27-28* [Literary Heritage. Vols. 27–28]. Moscow: Goslitizdat Publ, pp.54-105. (in Russian).
- Zhirmunskij, V.M., 1977. Preodolevschie simvolizm [Those Who Overcame Symbolism]. In: Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [heory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., pp.106-133. (in Russian).
- Kolobaeva, L.M., 2000. *Russkij simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow: Moscow University Publ. (in Russian)
- Lotman, Ju.M., Uspenskij, B.A., 1973. Mif – imja – kul'tura [Myth – Name – Culture]. In: Ju.M. Lotman, ed. *Trudy po znakovym sistemam VI* [Studies in Sign Systems VI]. Tartu: Tartu State University Publ., pp.282-303. (in Russian).
- Maksimov, D.E., 1981. *Pojezija i proza A. Bloka* [The Poetry and Prose of Alexander Blok]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (in Russian).
- Pomirchij, R.E., Loshhinskaja, N.V., 1997. Drugie redakcii i varianty <stihotvorenij razdela «Stihi o Prekrasnoj Dame VI»> [Other Editions and Variants <of the Poems from the Section “Verses about the Beautiful Lady VI”>]. In: Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20 tomah. T.1* [The Complete Works and Letters in 20 Volumes. Vol. 1.]. Moscow: Nauka Publ, pp.305-317. (in Russian).
- Sapozhkov, S.V., 2005. Pojezija i sud'ba Nikolaja Minskogo [The Poetry and Fate of Nikolai Minsky]. In: *Rannie simvolisty: Nikolaj Minskij, Aleksandr Dobrolyubov. Stihotvorenija i pojemy* [Early Symbolists: Nikolai Minsky, Alexander Dobrolyubov. Verses and Poems]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., pp.7-96. (in Russian)
- Slobodnjuk, S.L., 1998. «D'javoly» Serebrjanogo veka. Drevnij gnosticizm i russkaja literatura 1890–1930 gg. [“Devils” of the Silver Age. Ancient Gnosticism and Russian Literature of the 1890s–1930s]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (in Russian).
- Hansen-Ljove, A., 1999. *Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Rannij simvolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. (in Russian).